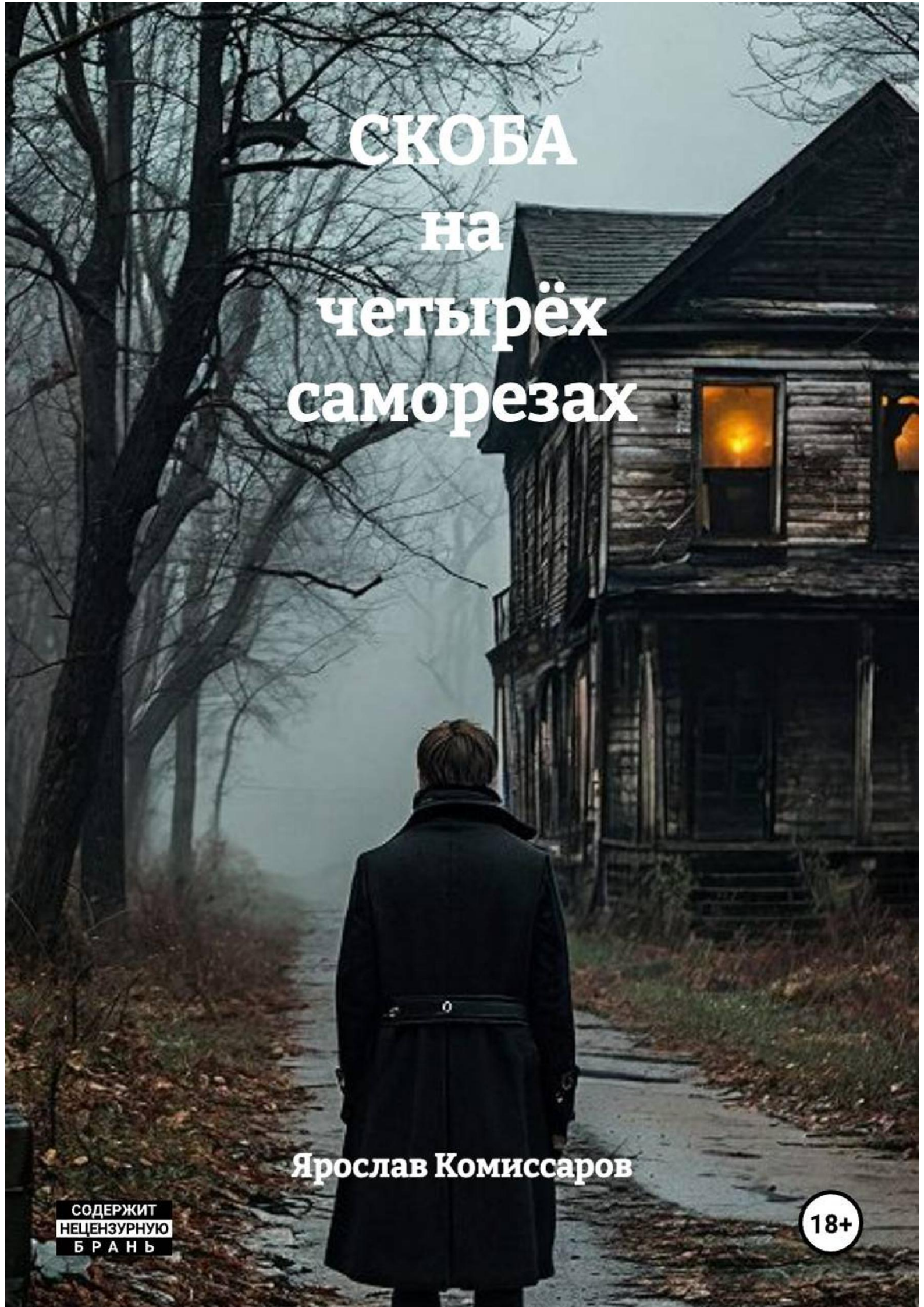

СКОБА на четырёх саморезах

Ярослав Комиссаров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ярослав Комиссаров

СКОБА на четырёх саморезах

«Автор»

2026

Комиссаров Я. В.

СКОБА на четырёх саморезах / Я. В. Комиссаров — «Автор»,
2026

Что делать, если наследство, которое должно спасти твою жизнь, оказывается идеальной ловушкой для твоего разума? Никита Кожухов — хирург, который не может спасти собственную жизнь. Брак стал капканом, жена смотрит сквозь него, а тесть считает пустым местом. Когда приходит известие о наследстве — старом особняке в глухом городке Серомохово, — Никита видит в этом единственный шанс вырваться. Но Серомохово встречает его мёртвой тишиной и непроглядным туманом. В доме, который пахнет больницей, дверь комнаты щёлкает как больничная, а металлическая скоба на четырёх саморезах холодит пальцы странным, пугающим узнаванием. Никита думал, что бежит от своих проблем. Но в тумане прячется то, что помнит его лучше, чем он сам. Здесь не нужно бояться — здесь предлагают покой. И чтобы остаться навсегда, нужно лишь перестать сопротивляться и признать правду, которую мозг запер двадцать семь лет назад.

© Комиссаров Я. В., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Комиссаров

СКОБА на четырёх саморезах

ГЛАВА 1. ПИСЬМО

Будильник не звонил. Никита открыл глаза за минуту до шести. Тело не давало спать — привычка, выработанная на ночных дежурствах, вьёвшаяся в мышцы, в кости.

Потолок. Белый, гладкий. Трещина в углу, похожая на засохшую реку. Он смотрел на неё каждое утро. Думал зашпаклевать. Забывал.

Кристина спала рядом. Волосы разметались по подушке, одеяло сбилось на край. Лицо расслабленное, мягкое, без маски правильной жены, которая всё знает лучше. Никита смотрел на неё. Потом на стену. Две фотографии: свадебная и Кристина на море. Свадебная — он улыбается. На море — она одна. Купальник, волна, улыбка. Тесть купил путёвку на их совместный отпуск. Кристина улетела. Вернулась с загаром и телефоном, который перестала оставлять на столе. Никита перевёл взгляд на трещину в потолке.

Часы тикали на запястье. Дешёвые, на тканевом ремешке. Она подарила на день рождения. Подарила при отце, за ужином. Тесть посмотрел на часы, потом на Никиту, потом снова на часы. Отпил вина. Кристина улыбнулась: «Они тебе идут.» Никита надел. Не снимал.

Тик. Тик. Тик.

Он встал. Кристина шевельнулась, не проснулась.

Ванная. Из зеркала на него смотрели глаза с нитями лопнувших капилляров. Во рту стояла сухая горечь — вчерашнее виски просилось наружу. Руки мелко тряслись. Он открыл кран, плеснул ледяной водой в лицо, но дрожь не ушла. Никита провёл ладонью по щеке, достал станок. Из кухни потянулся запах кофе и жареного бекона. Кристина проснулась.

Квартира была маленькой и двухкомнатной, с ипотекой на двадцать пять лет, где кухня совмещалась с гостиной, спальня умещалась впритык, а балкон давно превратился в склад коробок, которые никто не разбирал, — и всё это вместе складывалось в капкан, из которого не выйти без потерь. Разрыв — это суды, раздел, переезд в общежитие. Никита держался. Все держатся.

Кристина стояла у плиты — волосы собраны наспех, на ней его старая футболка, в турке поднимался кофе, а на сковородке шкворчала яичница, и на секунду кухня была почти нормальной, почти тёплой, почти той, о какой он мечтал.

— Доброе утро, — он поцеловал её в щёку. Кожа пахла мылом и сном.

— Доброе. Тебе снова снились кошмары? — она бросила короткий взгляд на мужа.

— Не помню. Вроде ничего не приснилось, — Никита достал табурет из-под стола.

— Ты ворочался. Я просыпалась.

— Не помню.

— Ты никогда не помнишь, — она выключила плиту. Налила кофе. Себе — с молоком, ему — чёрный. — Пей.

Никита сел. Кофе обжигал. Под горечью протянулся медный привкус — едкий, как запах старой трубы. Глоток.

— Сегодня УЗИ, — Кристина села напротив. — Ты помнишь?

— Разумеется.

— Мне страшно, — сказала Кристина.

— Я уверен, всё будет хорошо, — Никита протянул руку, накрыл её ладонь своей. — Мы так долго шли к этому. — На его лице появилась улыбка. Первая за утро.

Кристина оторвала глаза от точки на полу и посмотрела на мужа.

— Папа сказал, что заберёт меня. Так что по этому поводу можешь не беспокоиться.

Никита убрал руку. Взялся за вилку. Челюсть сжалась так, что заныли зубы.

Она отпила кофе. Пальцы постучали по столу — ритм, который он знал. Предвестник.

— Ты мог бы пригласить его в гости. У нас, между прочим, повод, — сказала Кристина.

— Может, организуем праздник на выходных? — Никита принялся жевать яичницу, стараясь не слышать, как хрустит в ушах собственная слюна от напряжения.

— На выходных у меня другие планы. Да и у папы тоже, я более чем уверена, — Кристина поднялась и принялась мыть чашку.

— Хорошо, пригласи папу. К скольким ты хочешь? — Никита посмотрел на неё, ожидая, что она пошутит. Что скажет, видит, как он устал, и хочет провести этот вечер вдвоём, без кого-либо.

— Позвони ты, Никита. Я ношу ребёнка, у меня токсикоз. Неужели один звонок для тебя — это подвиг?

Никита потёр кожу под ремешком часов. Сердце ухнуло вниз. В памяти всплыл тестев дом. Длинный стол. Никиту посадили на самый край — так, что каждый раз, чтобы дотянуться до салата, приходилось вставать и тянуться через чужие тарелки. И каждое это движение сопровождалось тяжёлым, оценивающим взглядом тестя. А когда Никита встал в туалет, не заставил себя ждать вопрос: «А ты куда?» — брошенный в спину так, будто он собирался стащить столовое серебро.

— Я позвоню. Какое вино он предпочитает?

— Пино Гриджо. Белое сухое. И не бери дешёвое. Я не хочу слушать его вздохи за столом.

Она произнесла это на выдохе, глядя поверх его плеча.

Она посмотрела на него. Две секунды. Три. Потом отвернулась к раковине.

— Мне пора, — он встал, поставил чашку. — Люблю тебя.

— Иди.

Больница. Запах ударил в ноздри — хлорка, пот, вымытый пол. Никита задержал дыхание, выдохнул через рот. Много лет назад он перестал это замечать. Сегодня — заметил.

Раздевалка. Вонь потных ботинок и влажной верхней одежды приняла в свои объятия. Никита посмотрел на себя в зеркало. Синяки под глазами, обвисшие щёки, красные прожилки в склерах. Вчерашнее виски всё ещё сочилось из пор.

— Мне тридцать пять. Самый расцвет сил — сказал он отражению. — А выгляжу дерьмово. Потому что жизнь у тебя дерьмо.

— Никита Сергеевич, — Светлана заглянула в раздевалку. — Операционная готова.

— Иду, — Никита через плечо схватил халат и вышел.

Операция. Паховая грыжа. Самая обычная. Скальпель, разрез, послушная ткань. Руки работали на автомате. Конвейер пациентов никогда не кончался. В двадцать один год он познакомился с Кристиной. Сшибающая с ног страсть, идеальная девушка, ни одного скандала. Первый поход в кино, закончившийся бурным сексом в её машине. Он думал, что попал в сказку. Сделал предложение через восемь месяцев. Мечтал открыть новые методы лечения, получить Нобелевскую премию. А был молодым врачом в обычной поликлинике, дежурящим по ночам. Сказка захлопнулась крышкой гроба после росписи. Ипотека. Финансовая яма. Её неутолимая жажда приключений, путешествий, новых автомобилей. После свадьбы её подменили. Или она просто сбросила маску.

— Никита Сергеевич, вы заболели? — голос Светланы вернул в операционную.

Никита моргнул. Света смотрела на него раскрытыми глазами, зажим в её руке замер.

— Всё в порядке. Просто сегодня узнаем пол ребёнка, а жена попросила пригласить тестя в гости. А он... не самый приятный человек.

— Поздравляю и сочувствую, — Света кивнула. — Нужно ещё сделать обход, Никита Сергеевич.

Кабинет. На экране компьютера — история болезни. В окно проглядывало солнце.

Часы на запястье мерно тикали в тишине. Никита прислушался. За мерным тиканьем пряталось что-то ещё. Тихий, низкий, вибрирующий звук. Не в ушах — в грудной клетке. Знакомый. Откуда?

Он поднял голову, осмотрел кабинет. Светлые стены, два шкафа, макушка Светы, торчащая за монитором напротив. Кабинет похож на коридор: два с небольшим метра в ширину, четыре в длину, стул для пациентов и кушетка у дверей. Четырнадцать лет своей жизни он провёл в этой коробке. Ничего не менялось. Ещё один капкан.

Никита потёр грудицу. Прошло.

Стук в дверь.

— Курьер. Заказное письмо. Лично вам.

Конверт. Жёлтая, плотная бумага. Чернила: «Кожухов Никите Сергеевичу. Лично в руки.» Без обратного адреса. И символ — круг, перечёркнутый тремя линиями. Мелькнул в углу, как муха. Никита не придал значения.

Вскрыл. Три конверта внутри. Первый: «Для дорогого племянника...»

Константин. Старший брат отца. Одна встреча за двадцать восемь лет — на похоронах бабушки. Высокий, в очках, с бородкой. Стоял в стороне. Отец сказал: «Брат. Давно не виделись.» Открытки на новый год — без обратного адреса. Потом перестали приходить.

Второй конверт — приглашение от нотариуса. Адрес: Серомохово, ул. Старого Мха, 12. Третий — опись: земельный участок, каменный особняк.

Клиника для душевнобольных. Психолог. Дядя, который исчез.

Почему он? Разве дядя так и не завёл семью? Есть же брат, наследство — племяннику, которого видел один раз. Почерк — каллиграфический, без единого исправления. Кто пишет так от руки в две тысячи двадцать четвёртом?

Вопросы ложились в очередь, ответов не было.

Гул вернулся. Стоял в грудной клетке. Никита потёр грудицу. Показалось.

ГЛАВА 2. ДОРОГА

Дома пахло жареным мясом и луком. Но не только. В воздухе висел терпкий, сладковатый запах — туалетная вода тестя. Дмитрий Евгеньевич уже занял квартиру.

— Я дома, — сказал Никита. В руках он держал букет лилий.

— Раздевайся, мой руки, — отозвалась Кристина из кухни.

Никита прошёл в комнату. Тесть лежал на диване, закинув ногу на ногу. На его лице не дрогнул ни один мускул. Словно Никита — бродячий кот, который шастает по чужому дому, не зная, куда себя деть.

— Добрый вечер, — Никита протянул руку.

Тесть протянул свою в ответ, коротко сжал пальцы и не сказал ни слова. По телевизору шла реклама.

Никита оставил портфель на стуле и вышел на кухню.

— Как день? — он потянулся к жене, чтобы поцеловать.

Кристина отшатнулась.

— Ты не пригласил папу. — Голос её зазвенел громче, чем нужно.

— Много работы. Вылетело из головы, — Никита почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Я не удивлена. Такое ощущение, что тебе плевать на моего отца. Он, между прочим, много делает для нас, — Кристина упёрла руки в боки.

— Я ему благодарен, — Никита сел за стол и сложил руки в замок. Желудок сжался в тугий узел.

— И чего ты сел? Помогать кто будет? — в глазах Кристины вдруг блеснули слёзы.

— Расскажи мне про УЗИ, — Никита поднялся, принявшись перекладывать заказанный салат в салатник.

— Сын. «У тебя будет сын», — сказала Кристина.

— Это здорово, дорогая. Мы с тобой родители, — Никита попытался перевести разговор в другое русло.

— Это сейчас не важно, — Кристина подтёрла щёку.

— А что важно?

— Что ты не выполняешь обещания. Ты забыл про моего отца, ты..., — Кристина посмотрела за плечо Никиты, там молча стоял её отец и наблюдал за разговором со стаканом воды в руке.

— Папа. Иди отдыхай. Мы сейчас накроем стол и позовём тебя. Да, Никита? — Кристина подняла на отца заплаканные глаза.

— Ты плачешь? Тебя обижает муж? — тесть вперил тяжёлый взгляд в Никиту.

— Нет, совсем немного, — Кристина всхлипнула.

— Может, мне провести воспитательную беседу с твоим мужем?

— Я думаю, Никита уже всё понял сам. Да, Никита? — Кристина посмотрела на него.

Никита молчал. Он смотрел, как безупречно она разыгрывает спектакль, как гладко подключается отец. Они ждали. Ждали, когда он взорвётся. Это стало бы идеальным поводом для развода: истерика, скандал, делёж имущества. Ей — квартира, ему — кредит. А беременность? Беременность стала последним гвоздём в крышке гроба, который он сам на себе заколотил, сделав ей предложение.

— Ага. Всё понял, — процедил Никита.

Дмитрий Евгеньевич молча кивнул и вышел.

За столом Никита разлил вино. Поднял бокал:

— За перемены, которые нас ждут. За мою любимую жену и нашего будущего сына.

Кристина и тесть посмотрели на него, сделали по глотку.

— Давай, рассказывай. Что у тебя за перемены? — буркнул тесть, накалывая мясо.

— Дядя умер. Оставил наследство. Дом, клинику.

— Какую клинику? — Кристина поставила бокал.

— Психиатрическую. В городке Серомохово.

— И ехать надо? — спросил тесть.

— Нотариус ждёт.

— Если продать дом, — Никита прожевал стейк, — купим свой. Тот, о котором ты говорила. С садом.

— И где жить будете? В Серомохово? — усмехнулся тесть.

— Дом можно продать и купить что захотим, — Никита смотрел на Дмитрия Евгеньевича.

— Конечно. Всё просто, — Кристина встала, забрала его тарелку. — Может, послушаешь мнение папы?

— Конечно, Дмитрий Евгеньевич. Что думаете? — Никита изо всех сил удерживал лицо ровным.

— Зачем тебе это? Ты прекрасно живёшь, красавица-жена, у тебя будет сын. Я думаю, нельзя сейчас оставлять Кристину одну. Нужно быть рядом. А ты уедешь неизвестно на сколько. Нужно всё проверить. У меня есть знакомый юрист. Давай бумаги мне, я всё проверю. Если это мошенники — я тебя защищу.

— Благодарю за предложение. Вынужден отказать — сказал Никита.

Кристина и тесть одновременно подняли глаза. В кухне повисла тишина. К горлу Никиты подкатил тошнотворный комок, глаза предательски заблестели, но внутри что-то треснуло.

— Ты не хочешь, чтобы папа помог тебе? — голос Кристины дрогнул.

— Я хочу сделать всё сам. Без чьей-либо помощи.

— А если это мошенники? Дай мне посмотреть бумаги, — тесть откинулся на спинку стула.

— Я не хочу больше продолжать этот разговор, — Никита встал из-за стола.

— Мы ещё не закончили, — голос тестя упал на октаву вниз.

— Никита, покажи папе бумаги, — эхом отозвалась Кристина.

Никита остановился в прихожей. В груди горело. Он ненавидел этот дом. Ненавидел этот запах. Вспышка в памяти: ужин у тестя. Длинный стол. Никита на самом краю, рядом с солью. Тесть говорит о ценах на лес, не смотрит на него. Если обращается — одёргивает. «Передай хлеб. Не туда. Вот сюда.» Тон — как читают нотацию дворовой собаке.

Никита вернулся, молча достал из портфеля конверты и положил перед тестем.

Дмитрий Евгеньевич читал письмо, разглядывал опись и приглашение к нотариусу.

— Особняк, лечебница... — тесть покрутил письмо в руках. — Послушай, Никита. Я понимаю, тебе хочется почувствовать себя хозяином жизни. Но давай честно: ты не потянешь. Оставь бумаги мне. Юрист посмотрит.

— Я сам разберусь.

— Ты даже жене позвонить не можешь без напоминания, — тесть вздохнул. — Какие бумаги? Не позорься. Кристиночка сейчас в положении, ей нужен покой. А ты с какими-то фантазиями. Оставь. Иди отдыхай.

Он положил конверты подле себя, не глядя на Никиту. Как ставят на место вещь, которая мешает на столе.

Никита сидел напротив и наблюдал за руками тестя. Руки, которые забрали его бумаги, его жизнь, его волю.

— Завтра хочу доехать до мамы. Узнать у неё про этого дядю — сказал Никита.

— Это верно. Может, это шутка, — тесть рассмеялся.

Никита протянул руку и забрал обратно конверт с адресом нотариуса. Тесть сжал челюсть, но промолчал.

Утро. Мама Никиты жила за городом. Час на машине. Кристина сидела рядом, смотрела в окно. Вдоль дороги мелькали жёлтые деревья, в солнечных лучах переливаясь листвой.

Ольга Николаевна вышла на крыльцо вся в муке и улыбке, всплеснула руками и запричитала, что не позвонили, она бы пирогов напекла, а так вот только чай, вот только то, что есть, — и в её суе было столько живого, домашнего тепла, что Никита на секунду расслабил плечи, которых не расслаблял с утра.

За столом Никита листал альбом. Отец и Костя — дети, на крыльце этого же дома. Костя с чемоданом.

— Костя после школы уехал, — Ольга поставила чайник. — Познакомился с девушкой. Хотел жениться. Она уехала за день до подачи заявления. Костя поехал за ней. Вернулся через полгода. Другой человек. Молчаливый. Погрузился в учёбу. Потом путешествия. Был один раз, на похороны родителей. На день.

— Писал, что был психологом. Мозг человека его интересовал. До этой девушки много рассказывал, мечтал. А потом — закрылся. Как дверь затворил.

— Как ты думаешь, это может быть правдой? — спросил Никита.

— Ты про наследство? Покажи бумаги, ты всё ещё их не показал, — сказала мама.

— Бумаги взял Дмитрий Евгеньевич. Сказал, покажет знакомому юристу, я только адрес забрал, — Никита протянул конверт.

Ольга Николаевна молча посмотрела в глаза Никиты.

— Бумаги — это бумаги. А ты зря туда едешь, Никита. Костя пропал, когда туда поехал. Пропал и всё.

— Ольга Николаевна, Никита сам принял решение, — Кристина положила руку на плечо мужу. Пальцы сжали ключицу — чуть сильнее, чем нужно.

Во дворе Никита курил. Кристина сидела на скамейке.

— Зачем рассказал ей про наследство? — сказала Кристина.

— Она мама. Должна знать.

— А если эта история придумана тобой? Для отвода глаз? А сам решил время провести...

— С кем? Кристина, я еду разбираться с дядиным домом.

— Ты сам себя слушаешь? Тебе тридцать пять лет, ты бросаешь беременную жену и едешь в глушь за непонятными бумагами, которые даже не дал проверить тестю. Это выглядит как побег. Я сейчас в положении. Меня тошнит от твоей безответственности.

Телефон Кристины пропиликал. Она бросила на него короткий взгляд. Уголки губ дрогнули в улыбке. Пальцы набрали номер. Кристина поднялась и отошла в сторону, чтобы Никита не слышал.

Никита затаился. Дым ушёл вверх. В памяти всплыл портрет на стене — Кристина на море без него. Как она кладёт телефон экраном вниз. Как уходит разговаривать в ванную и включает воду. Машина, тёмная, которая подвозила его жену вечером, когда она задержалась на работе. Она вообще стала часто задерживаться. Перестала просить встретиться её.

Никита крутил эти мысли в голове, пальцами мямлял бычок. Смотрел, как жена разговаривает по телефону и смеётся, украдкой бросая на него взгляд. Выкинул окурок на дорогу. Зашёл в дом.

— Мама. Я решил, что поеду в это Серомохово, — сказал Никита.

— Как? Без проверки? — Ольга подняла брови.

— Да. Завтра вечером. Напишу заявление на работе, за свой счёт. Хочу быстрее разобраться.

— Кристина в курсе? — мама посмотрела на него внимательно.

— Поставлю перед фактом.

Дверь скрипнула. На пороге стояла Кристина.

— Никита, не пора ли нам ехать? Мне нужно на работу.

— Действительно, уже пора, — сказал Никита.

— Кристиночка, подожди. Никита хочет что-то тебе сказать, — Ольга стояла в дверях кухни.

— И что же? — в голосе Кристины звякнул металл.

— Я завтра еду в Серомохово, — выпалил Никита на одном дыхании.

— А как же я? Ты бросаешь меня одну, беременную? А если что-то случится, что мне делать? — Кристина переменилась в лице.

— Ничего страшного. Мама тут — позвонишь, она приедет. Или Дмитрий Евгеньевич. Твоя мама. Подруги. Ты же сейчас с кем-то из них говорила? — Никита смотрел ей в глаза.

Кристина молчала. Глаза расширились, веко тряслось, зубы сжаты, скулы играли на щеках. Она его не узнавала.

— Хорошо. Чем быстрее решишь, тем быстрее всё закончится, — Кристина улыбнулась, махнула рукой и вышла из дома.

— Удачи тебе, сынок, — Ольга поцеловала Никиту в щёку.

Когда Никита вышел, Кристина стояла у машины и говорила по телефону. До него долегли обрывки:

— Уедет... Будет время... Я так рада...

Никита не стал прислушиваться. Достал сигарету. Руки тряслись. В голове промелькнуло: это последний пруттик, который может спасти его жизнь. Его брак. Он сможет участвовать в воспитании сына. Быть лучшим отцом. Тесть начнёт уважать. Или они уедут в другой город, нет — страну, чтобы он не смог до них добраться. У него будет свой дом, где он хозяин, и никто не смеет лежать по-хозяйски на его диване. Чиркнул зажигалкой. Выдохнул сизый дым.

Вечер. Кристина ехала молча, крутила что-то в своей голове. Дома — как обычно. Соседи, живущие в собственной квартире. Он читал книгу, она смотрела сериал и гладила платье. Поздно вечером она уехала. Сказала — на работу.

Вернулась, когда он уже лёг спать. Никита лежал в кровати, не спал, но сделал вид. Дверь открылась. Кристина разделась в темноте. От неё пахло — не мылом, не сном. Мужскими духами. Терпкими, древесными, чужими. Она легла рядом. Тело было холодным, и оно тихонько тряслось. Никита закрыл глаза сильнее. Челюсть свело так, что заныли корни зубов. Он не шевелился. Не дышал. Ждал, пока она уснёт.

Он не уснул — лежал до рассвета, не шевелясь, глядя в трещину на потолке, похожую на засохшую реку, и слушал, как рядом ровно дышит чужая женщина, от которой пахло чужими духами, и ночь тянулась, тянулась, тянулась, как будто кто-то нарочно растягивал её, чтобы он успел всё понять и ничего не смог с этим сделать.

Вокзал. Полчаса до посадки. Он приехал один. Билет купил вчера по дороге от мамы. Вокзал был пуст. Голос дикторши что-то объявлял. Внутри сидела тревога — противная, липкая. Никита гнал её, но она с настойчивостью залезала глубже. Рождала мысль: он вернётся другим. Или Кристина будет другой. Всё изменится.

Дверь в купе открылась.

— Добрый вечер, — мужчина. Лысоватый, в тёмном пальто. — Я ваш сосед. Андрей.

— Никита, — он пожал руку. Сухую, тёплую, слишком тёплую.

Андрей достал колбасу, хлеб. Брякнул бутылкой об стол.

— За знакомство. Пара рюмок — и в царство Морфея. Без сновидений.

— Сновидения не страшно.

— Сновидения? — Андрей наклонил голову. Улыбнулся. — Ты уверен?

Никита выпил. Коньяк был тёплым, мягким. Тёк вниз, разливаясь жаром, как лихорадка перед сном.

— Дядя умер, оставил наследство, — сказал Никита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.